

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие братья и сестры! Конец света и тепла в нашем отдельно взятом приходе мы благополучно пережили. Благодаря трудам и заботам –

главного инженера ЕЭСК Тараненко Александра Федоровича,

главного инженера филиала ОАО «ТГК-9» «Свердловский» Соловьева Леонида Сергеевича,

заместителя главного инженера по развитию ЕЭСК Пыжьяновой Натальи Николаевны,

специалиста «ТГК-9» Стадничук Владимира Степановича и, конечно же, наших прихожан – *Людмилы Ивановны Путиловой и Андрея Николаевича Пересыпкина!* Выражаем им наше теплое братское спасибо!

В последних проповедях Его Святейшество, Патриарх Кирилл, обращает наше внимание на социальное служение верующих людей в мире. Тем отрадней, что инициатива Виктора Викторовича Круглова под чутким руководством пономаря храма Дмитрия Владимировича Осинцева уже работает и посильная помощь некоторым прихожанам оказывается. Тем, кто желает помочь фи-

нансово, могут обратиться к куратору этого доброго дела.

В воскресенье, после службы была проведена учебная эвакуация по пожарной тревоге, результаты были оценены специалистами как средние. Будем тренироваться еще! Просьба отнестись к этому серьезней.

И не менее серьезная просьба к тем, кто позволяет себе высказывать претензии друг другу в храме. Мы не просто не хамим, а даже не делаем замечаний в храме, как по поводу, так и без повода! Если нет терпения и любви к ближнему, то будем просить их у Всемогущего Бога. «Возлюбим друг друга до единомыслия», возглашается на Литургии для всех нас. Будем же делателями этих слов, а не только слушателями!

ИТАК, ВЕНГРИЯ! (окончание)

В четверг утром, но не после дождика, вышли мы на набережную, которая в Будапеште называется Белградской (по-венгерски – «Belgrad rakpart»). Хорошо утром в столице Венгрии, ни пробок тебе, ни толп народа, ни вони выхлопных газов. Все как-то спокойно, по-мадьярски неторопливо и размеренно. Нам было сказано, когда мы накануне покупали билеты на катер, что отправление в 8-30, но прийти нужно в 8-00! Мол, регистрация, проверка документов и тому подобные формальности. Честно придя к 8-04, аж запыхавшись от волнения и спешки, обнаружили небольшую группу туристов, в основном говорящих по-немецки, пожилых мужчин и женщин, экипированных кроссовками и цифромывальницами. Среди них, правда, было несколько англоязычных и франкоязычных, из которых вторые отличались тем, что были не просто туристами, а велотуристами, с рюкзаками и двухколесными, сильно экологичными, как у них в Европе принято, средствами передвижения. Минут 15-20 мы все просто чего-то ждали.... И думали, что мало того, что мадьяры никогда никуда не торопятся, так они при этом других – торопят! Заставили,

вот, нас прийти на полчаса раньше, а сами и в ус не дуют, в аэропорту продержали полтора часа, поезда у них отходят на полчаса позже положенного, ну и так далее. Затем, смирившись с таковым положением дел, решили спокойно насладиться Дунаем утренним и прилегающими к нему Будой и Пештом. Вскоре у нас проверили документы: паспорт, билет – прямо как перед вылетом на самолете! Потом мы еще минут 15 стояли на набережной и наблюдали за крайне не-

спешной загрузкой багажа пассажиров в катер, обильно приправленной неспешными же беседами на уже привычном, но все так же непонятном языке. Ну и, наконец-то, разрешили занять места в катере... Мы зашли в первый от носа судна салон, изрядно напоминавший очень широкий самолет, с такими же рядами сидений и проходами между ними. Окна были не сказать, чтоб уж очень большими и очень чистыми, последнее – не первой свежести чистота – слегка огорчило, ибо грозило осложнить крайне желанную фотосъемку. Но, слава Богу, между двумя передними салонами, которых всего оказалось три, было что-то вроде капитанского мостика под открытым небом, где и съемка возможна, и просто подышать выйти – не грех. В заднем салоне – бар, с вином, пивом, сухими пайками в виде орехов, чипсов и бутербродов по максимально завышенным ценам: ну, а чего хотели? Плаваешь по Дунаю в Вену – приготовьтесь не скушаться.

Итак, поплыли! Экипаж завел громкий и вонючий дизель, находящийся почти в самой передней части судна и, вследствие этого, ароматизирующий остальной салон вых-

лопом, и мы поплыли. Сразу же заморосил дождь, а если учесть, что он начался незадолго до отплытия, то отплыли мы все-таки «после дождичка в четверг»!

Всего в Будапеште – семь мостов через Дунай. С севера на юг течет Дунай через Будапешт и, с юга на север на нем расположены:

1. Мост Ладьяманыоши (венг. Lágymányosi híd) — первый автодорожный мост в Будапеште, названный не в честь человека, а в честь района Ладьяманыош. Это – один из самых новых мостов венгерской столицы, построен в 1995 году, строился 3 года.

2. Потом идет мост Пётефи (венг. Petőfi híd), имени Шандора Пётефи, венгерского поэта (кстати, словака по происхождению, которого звали Александр Петрович, и только в венгерском произношении он превратился в Шандора Пётефи). Автор – инженер Пал Алдьяи-Хуберт, годы строительства – 1933-1937.

3. Следующий мост на юг – мост Свободы (венг. Szabadság híd – кто-нибудь помнить газету венгерских коммунистов «Непсабашаг» – «Народная Свобода?»), построен в 1894—1896 годах по проекту Яноша Феке-техазы. Один из самых старых мостов, сначала назывался «Мост на площади Вамхаз», потом назывался «мост Таможни», здание ко-

торой стояло на пештской набережной, затем переименован в мост Франца Иосифа, который его открывал. Мостом Свободы называется после восстановления в 1946 году, так как был взорван немцами, как, впрочем, и все остальные мосты Будапешта, в войну.

4. После моста Свободы – мост Эржебет (венг. Erzsébet híd), назван в честь императрицы Елизаветы Баварской, построен между 1897 и 1903 годами, в войну тоже взорван и восстановлен в 1964 году,

единственный – не в прежнем виде: стал проще и шире. С ним связан факт из книги рекордов Гиннеса: В 2005 году на мосту Эржебет был поставлен мировой рекорд по количеству целующихся, тогда в Будапеште одновременно поцеловались 5875 пар. Вот вам и тормознутые мадьяры!

5. Следующий – уже известный нам – Цепной мост Сечени, потом –

6. мост Маргит (или Маргарет, венг. Margit híd), спроектирован французским инженером Эрнестом Гуэном, и сооружён его строительной компанией Maison Émile Gouin в 1872—1876 годах. После моста Сечени – самый старый и, на данный момент, самый ветхий, требующий реконструкции.

7. Мост Арпада, следующий мост южнее моста Маргит, заложен в 1939 году, а построен только после войны — в 1950 году. Кстати, до 1958 года назвался «Мостом Сталина», потом переименован в честь Арпада, (венг. Árpád; 850/855 — 907) — вождя венгров (надьфейедедем), основателя династии Арпадов.

Мы начали свое плавание у моста Эржебет, против течения реки и, проплыв под мостами Сечени, Маргит и Арпада, выплыли из Будапешта. Интересно, что после моста Эржебет Дунай разделяется островом, кото-

рый тоже носит название Эржебет, на два рукава, и мы плыли по левому, если смотреть в направлении течения. Это остров выполняет для Будапешта роль нашего парка Маяковского, там запрещено автомобильное движение и, говорят, чистые трава и воздух.

Как только мы выплыли из города, пейзажи резко изменились, и появилась как бы средневековая Европа во всей своей красе. Ощущение усиливалось низко лежащими, а, точнее, стелющимися-бегущими темно-серыми тучами, туманом на вершинах холмов, морозящим дождичком и периодически возникающими на прибрежных невысоких возвышенностях замками, церквями и колокольнями. Даже встречающиеся города и городки были какими-то старинными, низкоэтажными и без намеков на фабрики-заводы, видимо, по европейским понятиям, нехорошо строить заводы на берегу – загрязнение же! Я постоянно бегал между салонами, щелкал мадьярские красоты направо, налево и вперед, рассказывал Ирине, что там видно и слышно, а также приобрел в барчике банку венгерского, невиданного прежде пива BORSODI – нужно же знать, что за пиво в Венгрии! Пиво оказалось неплохим, но не более того. Плыть нам предстояло по территории Венгрии, затем, немнож-

ко, Словакии, но зато с остановкой в ее столице – Братиславе, и потом – по Австрии. Вот, Европа! На расстоянии 250 километров – три страны пересекаешь, никакого размаха.

По мере удаления от Будапешта и приближения к Словакии погода менялась – постепенно становилось светлее, менее тучно и дождливо, и потом даже теплее (может, пиво сказалося?). К Братиславе подплывали уже при очень красивом, с кучерявыми белоснежными облачками,

небе, синего-синего цвета. Хоть в город мы и не выходили, ибо стоянка была всего 15 минут, как оказалось, для того, чтобы выпустить французских велосипедистов, но, благодаря тому, что река течет практически через центр города, а сам город – небольшой, удалось как бы побывать в нем. Очень красивый, современный мост Аполлон через Дунай в Братиславе, эдакий футуристический монумент, весьма красивый и красочный речной вокзал, замки и церкви на прибрежных мини-скалах. Как всегда, по-европейски аккуратненько и без гигантизма.

Братиславские мосты через Дунай, кстати, тоже заслуживают особого упоминания, в порядке их проплывания: Приставный мост (Přístava по словацки – пристань), Мост Аполлон, потом Старый мост, затем – Новый и последний – мост Лафранкони. Приставный и Аполлон – наиболее нагруженные мосты, на них, говорят, даже пробки бывают. Аполлон назван не в честь языческого бога, а честь предприятия – нефтеперерабатывающего завода, который находился рядом с мостом до войны, а сейчас отсутствует. Мост Лафранкони раньше назывался молодежным мостом, потом его переименовали в честь старинного общежития «Лафранкони», которое находилось у мос-

та, а то, в свою очередь, носило имя историка и картографа Энеу Грациоза Лафранкони, итальянца, который создал Венгерское историческое общество и составил карту Дуная.

Через некоторое время (а от Братиславы до границы Австрии по реке всего около 5 километров) мы уже были в Австрии и на протяжении 6,5 км плыли по границе между Австрией и Словакией, а затем вплыли и в саму Австрию. Сразу стала заметна германская аккуратность, тщательность, не говоря уже о специфических немецких названиях, таких серьезных и величавых, резко сменивших смешные, ибо похожие на наши, но с вывертами, словацкие.

Хочу отступить от последовательности описания всего подряд и остановиться на самой реке. Дунай – река очень большая, крупнейшая зарубежная река Европы, однако, гигантской ее я бы не назвал. Она не выбивается из общеевропейского аккуратного и камерного масштаба: то ли сказывается тут моя предвзятость, то ли специфически европейское обрамления берегов Дуная, но нет ощущения огромности и величавости, хоть тресни. Была весна, и воды реки имели зелено-бурокоричневый оттенок, что, впрочем, неудивительно, только что все стекло в реку после таяния снега и эта земляная взвесь окрасила речку не самым выгодным с художественной точки зрения образом. Вот бы посмотреть на, как поют в песнях и слагают в стихах, «Голубой Дунай», но, бо-

юсь, что в наше, не очень экологичное, время это – невыполнимая мечта. Если кто меня опровергнет – буду очень рад и буду стремиться побывать на Дунае в более «голубое» для него время.

Проплывая вдоль берегов Австрии мы постоянно наблюдали странные комбинации небольших, как будто рыбацких, домиков, стоящих у самой воды, часто – на высоких ножках, и каких-то сеток, надетых на квадратные, или прямоугольные рамки, привязанных к веревке, которая, в свою очередь, привязана к длинной палке-рукоятке... То ли это такой способ ловли

рыбы есть на Дунае (типа нашего «телевизора»), но, зная, что телевизоры и у нас-то запрещены, как браконьерские, думаю, вряд ли, то ли они что-то другое вытаскивают из речки: водоросли? песок? Выяснить это на месте, а потом и путем поиска в интернете – не удалось. Может, кто догадается, что это такое, и расскажет?

Еще на протяжении нашего заплыва мы дважды побывали в шлюзах, один раз – на венгерской территории, а второй – уже перед входом в Вену, на австрийской. Пройти эти шлюзы занимает около 40 минут, и, таким образом, из 6 часов путешествия вы почти полтора сидите в шлюзе. Интересно для тех, кто ни разу не был, но если кто был (по себе понял, ибо второй раз шлюз уже не казался таким занимательным, хотелось его быстрее преодолеть) – то ничего интересного. Хотя, подумали мы, дети наверняка бы были весьма довольны таким приключением. Немцы, из туристов, все высыпали на «капитанский мо-

стик» с фотоаппаратами и снимали процесс наполнения шлюза водой, закрывания массивных его ворот (причем, в Венгрии ворота сдвигались, а в Австрии – затворялись, как обычные). Я тоже снял на видео весь этот процесс, правда ни разу с тех пор не смог его до конца досмотреть – долго и нудно.

Ну и, наконец, стали подплывать к Вене. А это место, где Дунай приближается к венскому речному вокзалу – оно, практически, родное, потому что именно здесь, только на другом берегу и чуть поодаль, расположен центр «Австрия», где проходят ежегодные европейские конгрессы радиологии, где мне посчастливилось побывать несколько раз. И сейчас, наблюдая за знакомым центром с катера, я подумал, что совершенно неожиданно попал в Вену совсем не по радиологической надобности, а чисто из любопытства, да жене показать.

Обогнав по пути большой такой, многопалубный речной теплоход, зашли в порт и высадились благополучно на землю. Уф! В пути находились (если считать приход «пораньше» к opravке) – 8 часов без малого. Если честно, то плавать надоело изрядно, и мы очень обрадовались, что не стали и обратно плыть по Дунаю: и устали, и смотреть уже вроде как и нечего.

Пройдя мимо собора Франциска Ассизского (который у меня стойко ассоциируется с Микки Рурком, сыгравшим Франциска в кино), спустились в метро, билеты в котором, как и в Будапештском трамвае, никто не проверяет, но все исправно покупают. 5 или 6 остановок – и мы на Штефанс Платц – площади Святого Стефана, того самого, диакона-первомученика. Именем его назван и главный венский собор – Штефанс Дом. Очень

большой, просто огромный, весь такой угловатый, остро-колющий, вечно реконструирующийся. Следуя нашей практике не посещать святилищ других вероисповеданий, мы внутрь не пошли, а направились прямо в Хофбург, исторический центр города, где находится императорский дворец. По пути плутали, плутали, понадеявшись на интуицию (все-таки, не первый раз на Штефанс Платц!) и GPS-навигатор, а потом, спросив у прохожего, с удивлением обнаружили, что идем в противоположную сторону. Вообще, в центре Вены заблудиться очень легко – улицы узкие, кривые, их много и, на мой взгляд, никакой градостроительной логики! Впрочем, большая часть старых европейских городов – именно такие, отличаются они только степенью ухоженности, какими-нибудь всем известными достопримечательностями, вроде Штефанс Дома в Вене или Тауэра в Лондоне, а также языком надписей.

Посетив Хофбург, полюбовавшись на статую принца Ойгена (помните, в «Швейке»:

«Храбрый рыцарь, принц Евгений,
обещал монарху в Вене,
что вернет ему Белград:
перекинет мост понтонный,
и тотчас пойдут колонны
на войну, как на парад»)

потопали на Оперн Ринг (Оперное кольцо), ибо ни одному человеку, будучи в австрийской столице, невозможно не побывать на Штефанс Платц, у Хофбурга, и не увидеть Венской Оперы. С оперой этой, впрочем, тоже, как и с мостом Сечения в Будапеште, связана невеселая история, ибо ее авторы, архитекторы Август Сикард фон Сикарбург и Эдуард ван дер Нюлл, восемь лет строившие здание изо всех сил, плохо кончили: венская элита раскритиковала работу, а когда к ней присоединился и кайзер Франц Иосиф, Эдуард ван дер Нюлл повесился, а Август Сикард фон Сикарбург, не выдержав стресса, умер через 2 месяца от сердечного приступа.

Конечно, напрасно они поторопились, ибо Венская Опера – очень красивая и известная, побывать там желает даже тот, кто оперу не сильно любит, и слава ее, что называется, гремит по всей вселенной. Будучи человеком, нешуточно связанным с оперой, Ирина отдала дань этому, одному из «наиопернейших» мест мира, я ее сфотографировал на фоне, и мы пошли обратно на площадь Святого Стефана. Обратный путь занял минут тридцать и вот, мы опять в метро. А! Совсем забыл, что мы подвергли себя еще одной, обязательной для всех посетителей Вены, процедуре: мы съели венский штрудель в венском кафе! Вкус, как говорил Райкин – «списифисский» (шутка), очень вкусно, но, надо отдать должное кулинарам Венского кафе Екатеринбурга, у нас он несколько не хуже.

Так вот, после штруделя и всего, что его сопровождало (то есть, пообедали мы), мы и пошли к опере, и только потом вернулись в метро.

Метро привезло нас на Западный вокзал (Westbahnhof), где мы купили без проблем билеты и через 20 минут уже сидели в поезде на Бухарест (Букурешти, как его называют румыны). Поезд замечательный, быстрый, тихий, пейзаж за окнами – отличный, пережили во время путешествия обратно закат и наступление сумерек, а затем и ночи. Приехали на Западный вокзал (Nyugati Palyaudvar) поздно, было уже очень темно, сели в метро и без приключений (если не считать приключением строгий, но абсолютно непонятный выговор нам от контролера в метро, который мы решили пропустить мимо ушей – авось обойдется, ведь какие-то билеты у нас были, сойдет).

В Вене мы ничего не потеряли, в Дунае ничего не утопили, переполненные впечатлениями вернулись в отель и на этом – все. Плохо, что не удалось сводить Ирину в русский Свято-Николаевский собор и в сербскую Свято-Саввовскую церковь. Совсем не было времени, а путешествовать ночью, пусть и по добропорядочной Европе, не очень хотелось, да и не видно ночью ничего. Успокоил себя тем, что сам был в тех храмах и подробно снимал там, и рассказывал – тоже немало.

Андрей Эльдарович Цориев

620014 г.Екатеринбург, Ленина 11а, тел.89506411423

Храм во имя святителя Иннокентия, митрополита Московского

РОД БУТКИНЫХ (продолжение)

Очень рада, что «Перикатарма» продолжает свой путь, а я могу поведать интересующимся продолжение своих поисков, связанных с родственниками моего мужа Буткина Николая Владимировича. Эта публикация посвящена памяти трёх братьев Буткиных (двоюродные деды моего мужа), расстрелянных в ноябре и декабре 1937 года. Кроме того, этот же материал подготовлен в качестве информационного сообщения к выставочному стенду. Выставка, посвящённая жертвам «красного террора» и их семьям, будет проходить в Москве, а после – в Екатеринбурге.

ми впечатлениями. Кроме работы в шадринском госархиве, мы с сыном Костей прошли весь город, как говорится, вдоль и поперёк. Впечатления в этом небольшом кусочке южного Зауралья создают заросшие плющом, ничем незастроенные берега Исети, прямые городские улицы, не перегруженные высотными зданиями, с редко встречающимися светофорами, Николаевская церковь, которая кажется маленькой белой свечкой снаружи, и оказывается большой, трехпрестольной, необычайно тёплой изнутри.

А Спасо-Преображенский собор! Это столп – основание города. Он построен на самом берегу Исети. От крутого берега реки его отделяет небольшая площадь, в центре которой установлена скульптура Архангела Михаила. С этого места в 1662 году началась постройка Архангельского Шадринского городка — будущего города Шадринска. Ныне Шадринск – это самобытный русский город. Но не столько своим долгим прошлым, а сегодняшним отношением к своему прошлому. Шадринцы — это не просто жи-

Введение. О Шадринске.

Все, что мне было известно о членах семьи Буткиных к ноябрю 2009 года, было напечатано в «Перикатарме» №18, 19 в 2009 году. В 2010 году прежняя жизнь этих очень дорогих моему сердцу людей стала для меня ещё ближе. Печатный материал, новые фотографии, новые сведения — всё предоставлялось в моё распоряжение как будто волей удачного случая. А поездка в родной город Буткиных — Шадринск — помогла наполнить душу живы-

тели, не просто горожане. Шадринцы — это нация! Доцент кафедры философии и социологии Шадринского педагогического института, член Союза российских писателей Сергей Борисович Борисов составил «Шадринскую энциклопедию» — это 2 толстых тома большого формата. В предисловиях к энциклопедии он пишет: «В Шадринске... я всегда ощущаю особую атмосферу самобытности и талантливости».

Краткая предыстория рода Буткиных.

Корни этого рода уходят вглубь веков (вторая половина 16 века) и имеют отношение к первооткрывателям Сибири и Урала. По семейному преданию дальний предок Буткиных — казачий атаман и помощник Ермака был оставлен на территории сегодняшнего Урала для постройки укрепленного посёлка — острога, который в дальнейшем получил название Бутка, а его устроитель — Буткин (от татарского слова «бутить», т.е. «бить»). Цели укрепления Русской государственности на вновь присоединённой территории требовали от него иногда весьма решительных мер по отношению к местному населению.

Впоследствии его потомки проявили себя как энергичные, творческие и незаурядные деятели Уральского края. Среди них были преуспевающие купцы (торговали тканями, как тогда говорили — мануфактурой, и колониальным товаром — сахар, чай, кофе), учителя, врачи, священники. Осенью 1937 года трое братьев Буткиных, живущие в то время в разных городах, были репрессиро-

ваны по одному и тому же «делу церковников», и вскоре расстреляны:

Александр Григорьевич (9 сентября 1879 — 4 декабря 1937),

Николай Григорьевич (26 февраля 1882 — 28 ноября 1937),

Павел Григорьевич (23 декабря 1898 — 3 ноября 1937).

Все братья родились на Урале, а точнее — неподалёку от города Шадринска (географически — это южное Зауралье). Родные братья Александр и Николай — в селе Кривском, а их двоюродный брат Павел — в Сухринском. По курьёзной случайности в 50-х годах

19-го столетия обоих сыновей в семье Буткиных окрестили Григориями.

Григорий Иванович-старший, отец **Александра и Николая**, стал заслуженным сельским учителем, народным просветителем. Григорий Иванович-младший, отец **Павла**, служил волостным писарем в селе Кривском.

Жизнь братьев до революции.

Сташий — **Александр** — в 1902 году оканчивает Уфимскую семинарию и затем на протяжении около 17 лет служит священником Вознесенской церкви села Красномыское. Это большое село (примерно 4,5 тыс. жителей) в 12 верстах от Шадринска, и он единственный, полагающийся к причту (по штату) священник. Имеет церковную награду — набедренник. Набедренник вручали священнослужителям в знак ревностного служения Церкви, и символизирует он ножны, в которые вкладывается духовный меч для решительной борьбы с врагами Духа Святого. Помимо церковной службы отец Александр — член совета попечительства,

учрежденного в помощь нуждающимся семьям и детям-сиротам. Кроме того, к приходу Вознесенской церкви относятся 5 близлежащих деревень, и работа церковно-приходских школ грамоты не проходит без его участия. Он женат, имеет дочь Ариадну и сына Николая.

Младший брат отца Александра — **Николай**. Имея блестящие способности, он с отличием оканчивает Челябинское духовное училище, Уфимскую семинарию, затем, в 1907 году, Казанскую Духовную Академию. От своего отца Николай унаследовал жизненнодеятельный, неутомимый, волевой характер. Он — в гуще жизни современного ему общества — церковной, общественной, литературной, политической. С 1908 по 1917 годы он является: - магистром богословия и законоучителем женской гимназии № 1 города Екатеринбурга; - постоянным членом Екатеринбургского уездного отделения епархиального училищного Совета; - членом епархиального миссионерского совета; - председателем проповеднического комитета; - членом Совета Братства Св. Праведного Симеона Верхотурского, Чудотворца; - делопроизводителем Совета Общества Милосердия во имя Святителя Николая; - священником в Покровском домовом храме при мужской гимназии Екатеринбурга, там же преподаёт Закон Божий.

Дважды отец Николай был награждён. В том числе камилавкой, это головной убор. Им награждались священнослужители за особые достижения при исполнении своего служения.

В начале 20-го века отец Николай был известен своей миссионерской деятельностью.

тью. В 1913 году к празднованию 300-летия Дома Романовых приурочивается открытие Крестовоздвиженского собора — главного храма мужского монастыря в Верхотурье и перенесение туда мощей Святого Праведного Симеона Верхотурского. Правящий в то время архиерей, епископ Екатеринбургский и Ирбитский Митрофан, предложил отцу Николаю поехать на открытие Крестовоздвиженского собора для выступления с проповедью на праздничном богослужении. Это событие отражено в книге «Уральская

Лавра», посвященной Верхотурью и выпущенной к 120-летию основания Екатеринбургской епархии.

Отец Николай — хороший оратор, его даже называли «уральский златоуст». В период с 1909 по 1916 годы его проповеди печатаются в журнале «Екатеринбургские Епархиальные ведомости». Вот краткий перечень публикаций: «Детство человека», «Ищущие Бога», «Путь исповедничества», «Психологическая сторона нравоучительной проповеди», «Аскетизм и христианство», «Блаженства жизни вечной», «К пастырям и проповедникам», «Объединение духовенства», «Задачи благотворительности», «О церковной исповеди», «Иван Карамазов — русский боготворец», «Константин Великий и Христианство», «Смерть и жизнь», «Жизнь жителствует», «Сила благочестия», «Небесный Утешитель», «Богословие и жизнь», «Уроки войны», «Сим побеждай!» и другие. Всего — более 30 статей больших и маленьких, посвящённых как церковным событиям, так и насущным проблемам общества. В них отец Николай исследует проблемы лич-

ного и социально-политического характера с позиции высокого духовного образования, пастырского опыта, прилагая к этому своё горячо любящее каждого человека и Россию сердце. 1 августа 1916 года отец Николай назначен настоятелем Спасо-Преображенского собора города Шадринска с возведением в сан протоиерея. Здесь он организует паломнические поездки в Далматовский монастырь (там покоятся мощи святого Далмата Исетского, прожившего более 100 лет и, уже в преклонном возрасте, построившего в этом месте монастырь).

Предреволюционное время. Тогда умы многих людей занимали мысли о «свободе народа» и, стремясь построить «царство Божье на земле», но без Бога, священник Гапон «организует» массовое выступление, вошедшее в историю России как «кровавое воскресенье» 1905 года. Публично выступал о. Николай с критикой священства этого времени. Духу индивидуализации, проникшему в души и сердца людей, затронувшему, в том числе и священников, посвящена его статья «К пастырям и проповедникам». О характере отца Николая можно судить по воспоминаниям о нём его двоюродного брата, тоже Николая: «От шадринского духовенства о. Николай отличался широтой взглядов, образованностью и высокой религиозностью. Одно время над ним был организован общественный суд, который проходил в бывшей «Белой гимназии» Шадринска Я на этом суде был. Знаменательно, что заключительную речь он окончил словами: «Наша беда в том, что под сияни-

ем золотых крестов роются слепые кроты». Последними словами на суде он давал не очень хорошую характеристику духовенству, и отношение к нему было внешне терпимым, но далеко не дружелюбным. Вероятной причиной суда следует считать большую популярность отца Николая среди жителей Шадринска и с религиозной стороны он представлял большую силу».

Жители Шадринска его очень любили. В 1917 году богатая прихожанка собора купчиха и владелица лошадей Лысова дарит ему двухэтажный полукаменный особняк и

экипаж с лошадью. Известен факт, как отец Николай успокаивал зимой на реке Исеть две группы лихих парней и мужиков, пришедших биться стенка на стенку. Дело было нешуточное, и кровавая разборка казалась неизбежной, но слова вышедшего на лёд попа подействовали необычайным образом, так, что побоище не состоялось, и мужики разошлись с миром по домам. Другой случай: будучи вызванным соборовать умирающую, отец Николай буквально воскресил к жизни женщину, которая пришла в отчаянье и слегла, от того, что не могла перенести неудачного, как ей казалось, замужества дочери. Соборование и слова объяснения-утешения отца Николая так подействовали на женщину, что после она прожила еще немало лет в согласии и любви с дочерью и зятем. Сквозь толщу 70-ти летнего атеизма долетели до нашего времени слова тех, кто помнил отца Николая: «А батюшка-то был чудотворный».

продолжение следует

Буткина Светлана Георгиевна

620014 г.Екатеринбург, Ленина 11а, тел.89506411423

Храм во имя святителя Иннокентия, митрополита Московского

СЛОВО НА ВОСКРЕСНОМ БОГОСЛУЖЕНИИ

«Со страхом Божиим и верою приступите!», мы так говорим, когда выносим Чашу для Причащения, и эти слова, очевидно, должны расположить душу каждого из нас к особенному благоговению. Но каждый православный христианин знает, что благоговение – это такой дар, который дается даром. Человек приходит в храм впервые и ко всему благоговеет. Вспомните, как было страшно переступить порог храма и причащаться в первый раз. С каким благоговением человек входящий в церковь прикладывался к иконам, ставил свечи, с каким благоговением дома молился. И каждый из нас знает, как это благоговение, со временем, куда-то уходит. В храм мы уже заходим в обычным порядком и вот уже ищем в своем сердце этот отзвук и отблеск прежних благоговений, делаем усилие и ... не находим его. Из этого можно заключить, что благоговение – это дар Божий. В сегодняшнем евангельском чтении мы можем обнаружить, за что этот дар подается и как теряется.

«¹Однажды, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать слово Божие, а Он стоял у озера Геннисаретского, ²увидел Он две лодки, стоящие на озере; а рыболовы, выйдя из них, вымывали сети.

³Войдя в одну лодку, которая была Симона, Он просил его отплыть несколько от берега и, сев, учил народ из лодки.

⁴Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова.

⁵Симон сказал Ему в ответ: Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть.

⁶Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась.

⁷И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начинали тонуть.

⁸Увидев это, Симон Петр припал к коленам Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный.

⁹Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими пойманных; ¹⁰также и Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых, бывших товарищами Симону. И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков.

¹¹И, вытащив обе лодки на берег, оставили всё и последовали за Ним». (Лк., VI, 1-11).

Во первых здесь говорится о послушании. Для того, чтобы Господь не лишил нас своего благоговения, надо быть послушным, стараться точно исполнять Его заповеди.

Второе, и не менее важное, это то, что апостол Петр видит, ловля рыбы успешна, он видит чудо, он видит дар, он видит благодеяние и милость Божию и отмечает ее своими собственными словами «выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный». И мы должны обратить внимание на милость Божию. Вспомнить о том, что Бог когда-то сделал для меня и о каких-то важных серьезных вещах, начиная с нашего собственного рождения, и о тех приятных мелочах, которые Господь нам подавал. Если я внимателен к тем благодеяниям Божиим, которые мне даются, то тогда я имею шанс обрести благоговение.

И третье, последнее, апостол Петр говорит, что он человек грешный, он смиряется перед Богом.

И вот, воспринимая этот текст мы получаем указание приступать всегда «со страхом Божиим», чтобы то чувство, которое испытал апостол Петр, было с нами всегда, было нам родным и постоянным. И становится очевидно, что этот дар Божий если нас и покинет, то мы сможем его вновь выпросить и вернуть, как очень важный и необходимый элемент нашей духовной жизни. Аминь!

протоиерей Владимир Зайцев